

D. L. Morđovtsev

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО НАРОДА

ИСТОРИЧЕСКІЯ МОНОГРАФІИ

Д. МОРДОВЦЕВА

Томъ I

Екатерининскіе дѣятели и пугачевцы.—Пугачевскій полковникъ Ивановъ.—Кто былъ усмиритель пугачевщины.

ВІЛЕНСКАЯ

САНКТУАРИУМЪ БИБЛИОТЕКА

Издание книгопродавца С. В. Звонарева

1871

~~412670~~

DK183

M 59

t.1

Въ Типографіи М. Хана, Болотная, № 5

Handwritten signature or initials.

1133 (188)

115-367

ОТЪ АВТОРА.

«Политическія движенія русскаго народа», составляющія содержаніе двухъ настоящихъ томовъ, являются непосредственнымъ продолженіемъ того рода историческихъ моихъ монографій, которыя изданы были въ двухъ томахъ подъ общимъ заглавіемъ «Самозванцевъ и понизовой вольницы.»

Въ настоящихъ очеркахъ, какъ и во всѣхъ доселѣ напечатанныхъ мною историческихъ монографіяхъ, прослѣдуются однѣ и тѣже цѣли, именно обнаруженіе тѣхъ массовыхъ и единичныхъ народныхъ движеній, въ которыхъ по возможности сказывалось участіе русскаго народа въ политическомъ и гражданскомъ ростѣ русскаго государства, участіе, то ускорявшее этотъ ростъ, какъ качанье молодого дерева вѣтромъ и бурями ускоряетъ ростъ этого дерева,

то, по законамъ историческаго рефлекса, замедлявшее этотъ ростъ на многіе годы и искривлявшее самый стволъ молодаго, гибкаго, но крѣпкаго и неподатливаго дерева.

Правда активное участіе русскаго народа, въ политической жизни своего великаго отечества, къ сожалѣнію, сказывалось большею частью явленіями скорбными, не рѣдко возмущающими человѣческое чувство историка, какъ это и обнаруживаетъ цѣлый рядъ моихъ историческихъ монографій о политическихъ самозванствахъ, о такихъ проявленіяхъ народнаго—позволяю себѣ такъ выразиться—темперамента, какъ массовыя преступленія и массовыя убійства, выразившіяся пугачевщиною, гайдамачиною, послѣдовательнымъ рядомъ возстаній, крестьянскихъ бунтовъ и разбоевъ понизовой вольницы какъ поволжской, такъ и поднѣпровской; но задача современнаго историка въ томъ именно и должна состоять, чтобы то, что повидимому ложится темнымъ пятномъ на память русскаго народа, было снято съ этой памяти разоблаченіемъ истинной причины и источника тѣхъ или другихъ скорбныхъ явленій и уясненіемъ той несомнѣнной истины, что не конечная деморализація народа двигала его на массовыя убійства и преступленія, а неудачно сложившійся строй общественной жизни, острые боли живаго государственнаго тѣла выдавливавшія или слезы, или крикъ, или судорожныя движенія въ страж-

душемъ организмъ. Эти проявленія народнаго духа доказали только еще болѣе осязательно, что и въ жизни государства, какъ и въ жизни отдѣльныхъ единицъ, нравственныя явленія подчиняются тѣмъ же законамъ тяготѣнія, движенія, роста и развитія, какъ и въ мірѣ физическомъ, и что въ исторіи, какъ и въ физикѣ, уголъ отраженія всегда ровень углу паденія.

Подкрѣпляясь глубокимъ убѣжденіемъ въ несомнѣнной истинѣ вышесказаннаго, авторъ «Пугачевщины», «Гайдамачины» и прочихъ политическихъ самозванствъ и коллективныхъ преступленій русскаго народа, въ нѣкоторые моменты своей политической жизни, противъ законовъ государственности и человѣчности отдалъ свои симпатіи и свой трудъ, какъ черно-рабочаго для будущей исторіи русскаго народа, исключительно этому народу и его историческимъ ошибкамъ и несчастіямъ, а не полководцамъ и не государственнымъ дѣятелямъ, которые уже внесены исторіею въ пантеонъ нашего историческаго прошлаго и ожидаютъ, чтобъ въ этомъ пантеонѣ стали съ нимъ рядомъ и потомки тѣхъ, кои хотя и запятнали свою память преступленіями противъ законовъ государственности и человѣчности, однако не лишили тѣмъ своихъ правнуковъ и праправнуковъ права благородно дѣйствовать нынѣ на пользу Россіи въ качествѣ гласныхъ въ земствѣ, въ качествѣ мировыхъ судей и присяжныхъ въ новомъ судѣ

и въ качествѣ полезныхъ дѣятелей въ литературѣ, на государственной службѣ и вообще вездѣ, гдѣ требуются знанія, умъ, честность и на добро направленная воля.

Петербургъ,

1 іюня, 1870 г.

ЕКАТЕРИНИНСКІЕ ДѢЯТЕЛИ И ПУГАЧЕВЦЫ.

I.

Чѣмъ болѣе вникаемъ мы въ мельчайшія подробности событія, глубоко поколебавшаго спокойствіе Россіи во второй половинѣ прошлаго вѣка и извѣстнаго подъ именемъ Пугачевщины, тѣмъ непоколебимѣе становится убѣжденіе наше въ томъ, что событіе это вызвано было не какою-либо интригою, не махинаціею отдѣльныхъ личностей, недовольныхъ существовавшимъ порядкомъ вещей, не явленіемъ, наконецъ, Пугачева, а единственно лишь неотвратимостью закона историческаго возмездія. Что законъ историческаго возмездія, какъ и законъ исторической преемственности существуетъ—это неоспоримо. Какъ въ жизни отдѣльныхъ личностей, за отступленіе отъ непреложныхъ законовъ человѣческой правды и добра, за измѣну, какова бы ни была эта измѣна—измѣна ли своему призванію, своему слову, своему чувству, самому себѣ,—рано ли, поздно ли, личности эти наказываются и влѣймятся, если не общественнымъ презрѣніемъ и отчужденіемъ, то внутреннимъ самопаденіемъ, такъ и въ кол-

лективной жизни государств за политическія и общественно-гражданскія преступленія предковъ исторія наказываетъ потомство, передавая какъ бы по наслѣдству политическіе долги отцовъ на отвѣтственность дѣтей. Это также несомнѣнно, какъ и то, что въ физической природѣ существуетъ наслѣдственность и преемственность видовъ, формъ, качествъ, какъ хорошихъ, такъ и порочныхъ, передаваемыхъ видовыми родичами своимъ видовымъ дѣтямъ и дальнѣйшему потомству. И чѣмъ крупнѣе политическія и гражданскія ошибки предковъ, чѣмъ болѣе ихъ безтактность шла въ разрѣзъ съ настоящими требованіями правды и добра, съ общими симпатіями человѣчества и законами человѣческой чести, тѣмъ болѣе тяжести ложится на нравственную отвѣтственность послѣдующихъ поколѣній, и тѣмъ сомнителнѣе и медленнѣе вочеловѣченіе такихъ людей и такого народа, потому что исторія, какъ и нравственные законы, ничего не прощаетъ, никогда не забываетъ долговъ и нравственныхъ промаховъ кого бы то ни было, и никого не милуетъ. Жизнь и развитіе, какъ всего человѣчества, такъ и отдѣльныхъ личностей, подчиняются своимъ неизмѣннымъ законамъ, и жестоко караютъ всѣхъ нарушителей этихъ законовъ, караютъ до тѣхъ поръ, пока не возстановится нарушенное равновѣсіе. Историческая кара, какъ и кара нравственная, до того жестока, что часто бываетъ похожа на кару людскую, и такимъ образомъ, переходитъ въ месть.

— Богу угодно было наказать Россію черезъ мое окаянство, говоритъ Пугачевъ на первомъ допросѣ, когда, закованный въ колодеку, самозванецъ сидѣлъ уже передъ членами секретной слѣдственной комисіи, въ Яницѣ.

Пугачевъ, конечно, по своему понималъ эту кару, кото-

рую мы называемъ историческимъ возмездіемъ; но въ словахъ его уже слышится невольное сознаніе въ томъ, что онъ дѣйствовалъ какъ орудіе исторической мести, что еще болѣе проглядываетъ въ разговорѣ его съ графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ, въ Симбирскѣ, куда Суворовъ привезъ въ деревянной клѣткѣ своего страшнаго плѣнника.

— Какъ ты смѣлъ, воронъ, назваться государемъ? спросилъ его Панинъ.

— Я не воронъ, а вороненокъ, а воронъ-то еще летаетъ, дерзко отвѣчалъ самозванецъ.

Въ этихъ словахъ предсказывалась еще горшая кара Россіи за ея историческія ошибки. Местъ должна была послѣдовать уже за Пугачевымъ, хотя, къ счастью, предсказанію самозванца не суждено было сбыться... Историческая ошибка Россіи, самая капитальная, была поправлена 19-го февраля 1861 года, почти черезъ сто лѣтъ послѣ предсказанія самозванца о новой карѣ, которая должна постигнуть Россію.

Въ особой монографіи, напечатанной нами въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1866-й годъ, подъ заглавіемъ „Пугачевщина“, мы высказали убѣжденіе, выработавшееся въ насъ ближайшимъ изученіемъ этой знаменательной эпохи, преимущественно по неизданнымъ документамъ, что Пугачевщина была не послѣдствіемъ явскихъ смутъ и появленія самозванца и не продуктомъ какой-либо интригующей политической партіи, а естественнымъ продуктомъ всей Россіи и плодомъ ненормальнаго состоянія всего государственнаго строя. Для этого, самой исторіи смутнаго времени мы предпослали, въ видѣ введенія, по возможности обстоятельное изображеніе тогдашняго состоянія Россіи, состоянія, которое неизбежно должно было кончиться той или другой насильственной и весьма опасной

встряской всего государственнаго организма нашего отечества. Эта встряска и была—Пугачевщина, которую мы начертали вкратцѣ, избѣгая общеизвѣстныхъ подробностей, напечатанныхъ уже у Пушкина, Шебальскаго и въ особыхъ статьяхъ и изданіяхъ, и упоминая только о томъ, что могли мы извлечь изъ имѣющихся у насъ и никому неизвѣстныхъ архивныхъ матеріаловъ. Мы давали, такимъ образомъ, читателю, въ краткомъ конспектѣ, только то *новое*, что успѣла, въ послѣднее время, приобрести историческая наука изъ знаменательной эпохи екатерининскихъ самозванцевъ, изъ коихъ Пугачевъ былъ не первымъ и не послѣднимъ (Степанъ Малый, Кремневъ, Богомолловъ, Ханинъ и друг.). Богатыя подробности мы отлагали до полнаго историческаго труда, который обнялъ бы собою весь циклъ самозванцевъ Петровъ Третьихъ и особенно же Пугачева.

Въ другой статьѣ, подъ заглавіемъ „Пугачевскій полковникъ Ивановъ“, мы взяли только одинъ эпизодъ изъ богатой событіями и драматизмомъ эпохи, взяли одну только личность изъ множества таеъ-называемыхъ пугачевскихъ генераловъ и полковниковъ, и разработали этотъ эпизодъ съ тѣми подробностями, какія представляютъ намъ находящіеся у насъ подъ руками документы изъ эпохи екатерининскихъ самозванцевъ.

На основаніи подобныхъ же неизданныхъ документовъ, мы намѣрены теперь представить, во первыхъ, что дѣлалось въ остальной Россіи, и особенно въ мѣстностяхъ, которымъ грозили ужасный пожаръ, всыхнувшій на Яикѣ и въ окрестностяхъ Оренбурга, въ то время, когда самозванецъ уже успѣлъ покорить подъ свою власть нѣсколько генераль-губернаторствъ; какія принимались въ этихъ мѣстностяхъ мѣры къ отвра-

щенію грозившей нашему отечеству опасности, въ какомъ беззащитномъ положеніи находилось оно; вовторыхъ, какія были послѣднія и самыя страшныя вспышки этого пожара передъ его прекращеніемъ и, втретьихъ, что послужило гибелью самозванцу и всему его дѣлу. Этихъ самыхъ, впрочемъ, важныхъ сторонъ предмета, не разрабатывали ни Пушкинъ, ни Щебальскій, безъ сомнѣнія, потому что они не располагали тѣми матеріалами, которые намъ посчастливилось добыть. Мы рылись въ провинціальныхъ архивахъ городовъ, по которымъ прошла эта страшная гроза. Мы видѣли бумаги, которыя хватали своими окровавленными руками „сами служители сатанина внука Емельки“, и бросали ихъ въ воду и въ огонь, и которыя спаслись какимъ-то чудомъ, разнесенныя вѣтромъ или припрятанныя какимъ-либо усерднымъ подканцеляристомъ въ темномъ углу архива. Мы читали эти самыя бумаги, писанныя подъ вліяніемъ непреодолимаго ужаса, дрожащими отъ волненія руками, измятыя гдѣ нибудь за пазухой у нарочнаго, проносившаго эти бумаги сквозь толпу волнующихся массъ. Мы видѣли помѣтки на этихъ бумагахъ, дѣланныя въ торопяхъ, съ обозначеніемъ часа, въ который получались страшныя вѣсти одна за другою. Мы ознакомились даже съ почеркомъ всѣхъ дѣйствовавшихъ тогда лицъ, генераловъ, полковниковъ, комендантовъ, воеводъ и губернаторовъ: смѣлый и спѣшный почеркъ Суворова, бойкій почеркъ Михельсона, каракули самаго Пугачева, старческія руки генераль-губернаторовъ фонъ-Брандта, фонъ-Рейнсдорпа, почеркъ храбраго Бошняка, напоминающій собою почеркъ какого-нибудь безграмотнаго лавочника, почерки Цыплетева, воронежскаго губернатора Шетнева, знаменитаго графа Захара Чернышева, князя Багратіо-

на, генерала Мансурова, почеркъ генерала Депрерадовича — почеркъ несмѣлый, женскій, почеркъ всѣхъ донскихъ атамановъ, полковниковъ, походныхъ старшинъ, изъ которыхъ каждый что-либо сдѣлалъ, чѣмъ-либо отличился — все это живьемъ встаетъ передъ вами и краснорѣчиво говорить о пережитыхъ этими людьми ужасахъ. Мы можемъ узнать любой почеркъ канцеляристовъ того времени, и скажемъ, изъ какой канцеляріи, воеводской, комендантской или провинціальной вышла та или другая бумага. Почеркъ Михельсона приучилъ насъ видѣть въ бумагѣ извѣстіе о побѣдѣ, почеркъ Цыплетева говорить о его неутомимой дѣятельности. Все это цѣликомъ переноситъ васъ въ ту эпоху, и вы сами чувствуете эту лихорадочную дрожь, какую должны были испытывать люди, писавшіе въ то время, когда изъ оконъ канцеляріи видно было кругомъ зарево пожаровъ, пыль отъ двигающихся и бѣгущихъ массъ. Тутъ и смертные приговоры, и расчеты о томъ, сколько употреблено денегъ на покупку веревокъ для связыванія рукъ плѣнныхъ пугачевцевъ, и отчетности въ израсходованныхъ пуляхъ и порохѣ во время стычекъ съ шайками самозванца.

Тутъ и подлинныя показанія преступниковъ, показанія, исполненныя драматическаго законизма, перечерченныя и исправленныя подъ диктовку самихъ преступниковъ, сообщниковъ самозванца. Тутъ и ихъ подписи, ихъ почеркъ. Есть бумаги, писанныя на измятомъ клочкѣ, спѣшно, тихонько, гдѣ-нибудь въ углу или за кустомъ, какъ, наприимѣръ, извѣстіе донскихъ старшинъ объ измѣнѣ казаковъ, извѣстіе, писанное въ торопяхъ, въ ужасѣ, тайкомъ отъ казаковъ, которые могли застать старшинъ за писаньемъ и погубить ихъ всѣхъ.

Вотъ чѣмъ дороги матеріалы, которыми мы располагаемъ. Это—живые свидѣтели прошлаго, которые пережили и то страшное время, и тѣхъ страшныхъ людей, и тѣхъ главныхъ дѣятелей, которыхъ не должна забывать исторія. Какая-нибудь бумага, писанная на походѣ, въ палаткѣ, подъ открытымъ небомъ, говорить больше, чѣмъ цѣлые трактаты о томъ времени.

Но обратимся къ самымъ событіямъ.

18-го сентября 1773 года, Пугачевъ, съ тремястами челоуѣкъ яицкихъ казаковъ и киргизовъ, въ первый разъ показался подъ стѣнами Лицкаго городка. Это былъ первый день, въ который его бѣлое, съ раскольничьимъ крестомъ знамя выставлено было, какъ знакъ притязанія самозванца на русскій престолъ.

20-го сентября самозванецъ взялъ Илецкій городокъ, повѣсилъ атамана и, пропировавъ тамъ три дня, пошелъ дальше.

24-го сентября онъ взялъ уже Разыпную крѣпость, повѣсилъ коменданта, маіора Веловскаго, нѣсколько офицеровъ и священника, и пошелъ дальше.

27-го сентября онъ уже бралъ Нижне-Озерную крѣпость. Крѣпость была взята. Комендантъ, маіоръ Харловъ, раненый въ глазъ копьемъ такъ, что глазъ висѣлъ на щекѣ, былъ повѣшенъ. Съ нимъ были повѣшены офицеры Фигнеръ и Кабалеровъ, писарь и татаринъ Бикбай. Входя на лѣстницу, приставленную къ висѣлицѣ, магометанинъ Бикбай перекрестился и самъ надѣлъ на себя петлю.

27-го же сентября Пугачевъ взялъ Татищеву крѣпость. Защитниковъ крѣпости казнилъ жестокою казнью: съ толстаго коменданта Елагина содралъ кожу и саломъ его бунтов-

пики мазали свои раны; Билову отрубили голову; вдову Веловскаго, повѣшеннаго за три дня передъ этимъ въ Разсыпной крѣпости, удавили. Хорошенькую дочь Елагина, бывшую замужемъ за Харловымъ, котораго наканунѣ повѣсили въ Озерной крѣпости, самозванецъ взялъ къ себѣ въ наложницы. Всѣхъ офицеровъ повѣсилъ. Солдатъ и башкирцевъ разстрѣлялъ картечью.

У самозванца было уже болѣе 3,000 войска и сильная артиллерія.

29-го сентября онъ взялъ Чернорѣчинскую крѣпость. Комманданта, капитана Нечаева, повѣсилъ. Повѣсилъ и другаго офицера, который хотѣлъ бѣжать.

— Отъ великаго государя бѣгать не зачѣмъ, замѣтилъ онъ, вѣшая несчастнаго.

1-го октября онъ взялъ Сакмарскій городокъ.

5-го октября онъ уже расположился съ своими войсками подъ Оренбургомъ. Предмѣстье было взято. На паперти церкви поставлена была батарея.

8-го октября ограбленъ былъ Мѣновой дворъ.

12-го октября Пугачевъ разбилъ высланныя противъ него изъ Оренбурга войска. Силы его росли съ каждымъ днемъ: къ нему стекались со всѣхъ сторонъ бунтующіе крестьяне, татары, калмыки, башкиры, солдаты и казаки. Къ декабрю армія его уже состояла изъ 120,000 человекъ, при ста орудіяхъ, четырехъ гаубицахъ и множествѣ военныхъ снарядовъ.

Что же въ это время дѣлалось въ остальной Россіи и преимущественно въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда могли рано или поздно нахлынуть эти страшныя силы?

Вотъ что отвѣчаютъ намъ на этотъ предметъ документы

того времени, еще неизвѣстные исторіи. По самой сущности возникавшихъ событій все вниманіе администраціи надо было сосредоточить на нѣкоторыхъ пунктахъ, наиболѣе опасныхъ, въ случаѣ успѣховъ самозванца. О томъ, что онъ можетъ дойти до такой дерзости, чтобы направить свои толпы на столицы, въ то время и думали и не думали. По крайней мѣрѣ въ первое время никто не думалъ, чтобы начавшееся обыкновеннымъ образомъ дѣло приняло такіе страшные размѣры. Послѣ, конечно, когда Пугачевъ доказалъ, на что можетъ подвинуть избытокъ силъ, которыя онъ въ себѣ разомъ почувствовалъ, стали уже бояться за цѣлость обѣихъ столицъ, западала уже въ инны головы и такого рода боязнь — уцѣлѣть ли Россія, устоятъ ли государство, которому тысячелѣтнее существованіе выработало извѣстный общественный строй, извѣстную форму, извѣстные законы; западала въ инны головы и другая мысль — не замѣнится ли государство Екатерины II, Петра I, царей Алексѣи Михайловича, Ивана Грознаго и др., державою казацко-вѣчеваго строя, державою съ демократическо-охлократическимъ характеромъ. Все это передумалось, когда самозванецъ сталъ властвовать въ половинѣ Россіи, чеканить свою монету, лить пушки на государственныхъ заводахъ; но въ началѣ, когда на самозванца смотрѣли, какъ на страшнаго разбойника, ставшаго въ головѣ движенія яицкихъ казаковъ и бунтующихъ крестьянъ, башкировъ, калмыковъ и татаръ, опасались только за тѣ пункты, въ которыхъ самозванецъ могъ придти въ соприкосновеніе съ силами, ему болѣе или менѣе родственными, и съ элементами, тождественными съ тѣми, изъ коихъ состояла его нестройная толпа. Надо было подумать о пунктахъ соприкосновенія съ Дономъ. Пункты эти — военная царицын-